

А. А. Никонов

ВЗГЛЯДЫ НА АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Никонов Александр Александрович — академик РАН, директор Аграрного института РАСХН.

Двадцатые годы XX века — один из наиболее сложных и интересных периодов в жизни российского общества. Он отмечен богатством научных поисков, разнообразием школ и направлений, обилием оригинальной и переводной литературы, широким экспериментированием.

Трудно назвать экономиста или социолога, который не касался бы в своих трудах аграрного вопроса. Это естественно: страна-то на 80% была крестьянской и переживала аграрный кризис, ставший перманентным. О нем всегда много говорилось, что-то предпринималось, но никогда ничего не доводилось до конца. А спираль продолжала раскручиваться, обстановка — обостряться, временами принимая драматический характер.

Ученых 20-х годов, работавших в аграрной сфере, можно отнести к трем группам: либеральным демократам, представителям организационно-производственной школы и марксистам (разумеется, эта классификация условна). Судьба всех трех ветвей оказалась трагичной.

Либеральная школа

Один из ярких представителей этого направления — видный экономист-аграрник, профессор петербургского сельскохозяйственного института Борис Давидович Бруцкус (в августе 1922 года он был арестован, в ноябре — выслан в Германию, в дальнейшем работал в Израиле). Из его трудов, изданных в России, наибольший интерес представляет «Аграрный вопрос и аграрная политика» [1]. Фактически это серия крупных статей, в том числе о социально-экономических основах крестьянского хозяйства. Бруцкус не разделяет мнение многих экономистов, активно поддерживавших общину. Он не принимает программу эсеров по аграрному вопросу, считая, что она «соответствовала и хорошо формулировала чаяния наиболее многочисленных экономически отсталых кругов крестьянства» [1, с. 43]. Но все-таки он видит принципиальные различия между эсеро-народническим и марксистским подходами к общине и аграрному вопросу в целом. А. И. Герцен, а затем и Н. Г. Чернышевский, выделяя три начала — право на землю, общинное владение ею и мирское управление — выступали прежде всего за человека. Несмотря на уравнительность, регулярные и нерегулярные переделы, подчеркивались естественные права индивида. У марксистов же на первый план выдвигалось общество в целом [1, с. 25]. Это очень важное положение. В дальнейшем оно получит последовательное применение в практике всего колхозно-совхозного строя. Первый хлеб — государству, вся продукция — на поставки. Крестьянину, производителю этой продукции — по остаточному принципу. Не на этом ли и споткнулась социалистическая система, попытавшись совместить лозунг союза рабочего класса с крестьянством (правильный и справедливый) с диктатурой пролетариата?

Бруцкус делает весьма интересный вывод о крестьянской общине: «Русский аграрный строй не только вел к глубокому кризису крестьянского хозяйства, но он создавал в крестьянстве и настроения, благоприятные для аграрного переворота. Община, нивелируя крестьянство, сплачивала его воедино» [1, с. 87]. Это понимали как революционеры,

возлагая надежды на общину в использовании ее для своих целей, так и реакционеры типа Победоносцева. Это же поняли и наиболее проницательные, дальновидные представители тех кругов, которые выдвинули и поддерживали П. А. Столыпина. Бруцкус считает, что правительство Столыпина было контрреволюционным, и политику он проводил классовую, но она соответствовала народнохозяйственным интересам страны. Община была неэффективной. Столыпин понимал, что «путь развития личной инициативы, личной предприимчивости есть единственный, который ведет к прочному преодолению аграрного кризиса... Указанные две точки зрения, классовая и народнохозяйственная, причудливо перекрещивались, покрывая друг друга, и нашли свое общее выражение в известном лозунге, гласившем, что правительство сделало «ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных» [1, с. 87].

Сельское хозяйство, по убеждению Бруцкуса, нуждается в интенсификации. Но «интенсифицирование хозяйства возможно только с развитием торговли, с ростом промышленности и городов в пределах тех же районов или в пределах соседних районов, с которыми первые находятся в тесном контакте» [1, с. 103]. Что касается дифференциации крестьянства, то она неизбежна. При нормальном развитии какая-то часть людей уходит из деревни. Поэтому надо готовить рабочие места в других сферах народного хозяйства. Свободная продажа земли, хорошо налаженный ипотечный кредит благоприятствуют процессу профессионального разделения. Развитие внешнего рынка и расширение внутреннего также способствуют интенсификации, предпринимательству, самостоятельности.

Бруцкус выступает как горячий поборник крестьянского хозяйства, не признавая целесообразными ни крупнокапиталистические предприятия, ни навязанный крестьянину коллективизм, идущий в какой-то мере от общины. Крестьянские хозяйства не дают высокого процента на капитал, и в этом отношении уступают крупным. Однако производство здесь ведется интенсивнее, а труд используется полнее, «эластичнее». Их слабая сторона — в невысокой оплате труда, сложности сбыта. Но это преодолимо посредством кооперации и развития промыслов, работы вне хозяйства. Бруцкус считает негативное отношение к свободному обращению земли, ее купле-продаже минусом, т. к. это «снимает с крестьянина ответственность за надлежащее ее использование» [1, с. 231]. С возможной же концентрацией в одних руках больших площадей надо бороться правовыми и экономическими методами. «Трудовое сельское хозяйство, а не аграрный капитализм является в настоящую эпоху наиболее приспособленной к условиям хозяйственной организацией» [1, с. 233]. Крестьянство может стать полноценным участником обмена на рынке, политической опорой демократизации культуры, оно противник крайнего индивидуализма вследствие заинтересованности в кооперации и не может конфликтовать с рабочими, ибо те сами выходцы из крестьян.

К сожалению, в 1922 году научная деятельность Бруцкуса в России была прервана. Но и в эмиграции он оставался верен своей теме. Все его труды посвящены аграрному вопросу и стали библиографической редкостью.

На аналогичных позициях стоял Лев Николаевич Литошенко — профессор Тимирязевской академии, Института экономики Госплана СССР (в 30-е годы был репрессирован и расстрелян). Его работы «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства» (1923), «Крестьянский бюджет в 1922—1923 гг.» (1923), «Национальный доход СССР» (1925) и другие написаны на основе богатого фактического материала.

В неизданной крупной работе «Социализация земли в России» Литошенко анализирует развитие аграрного вопроса с дореволюционных лет до осуществления НЭП и, в частности, пишет: «Обвиняя буржуазный строй в анархии производства и бесполезной растрате сил, социализм обещает величайшую экономию, максимальную производительность и строгую пропорциональность всех отраслей производства, объединенных единым планом народного хозяйства... Осторожно и ощупью продвигалась советская власть между всеми подводными камнями социализма, не теряя направления и

постоянно помня конечные цели своего пути. И если в конце концов социалистическое здание лежит в обломках, то в этом вина не строителей, а тех принципов, по которым воздвигалась постройка» [2, с. 14, 29]. Основное противоречие и слабость НЭП автор видит в том, что, отдавая одну за другой отрасли социализированной экономики частному предпринимательству, государство тут же вводит жесткие меры регулирования, которые сводят на нет все достижения. Призыв на помощь частный капитал, государство не создало объективных условий для проявления инициативы. Всей силой бюрократического аппарата оно давило на предпринимателей. Завершается эта глубоко аргументированная работа такими словами: «...Есть только один выход из того экономического тупика, в котором находится теперь Россия. Этот выход заключается в честном отказе от принципов регулирования народного хозяйства и в предоставлении свободы действий частной инициативы... Предстоит тяжкий подъем, а не спуск к ровной дороге. Хороший кучер не станет в таком случае натягивать вожжи и править лошадьми. Надо предоставить им свободу самим выбирать дорогу и нам менее крутые уклоны подъема. Можно быть уверенным, что это будет самый короткий и дешевый путь экономического возрождения» [2, с. 426—427].

Колоритнейшей фигурой в российской науке 20-х годов был Николай Дмитриевич Кондратьев. Круг его научных интересов — далеко за рамками аграрного вопроса. Однако аграрный материал он использовал в методологических и других исследованиях, село и крестьянство вообще занимали видное место в его судьбе. Он работал в Земском союзе, заведывая экономическим отделом, некоторое время исполнял обязанности товарища (заместителя) министра продовольствия, преподавал в Тимирязевской академии и Кооперативном институте, создал Конъюнктурный институт и возглавил его, работал в различных комиссиях и комитетах Наркомзема, Госплана, в Союзе кооперативов.

Мировую известность получила его теория «длинных волн» (или, как он сам называл это явление, «больших циклов конъюнктуры»), получившая продолжение в трудах Йозефа Шумпетера, Саймона Кузнеца, Уолта Ростоу применительно к различным аспектам экономики, социологии и других наук. Но в данном случае ограничимся «аграрным аспектом» его научной деятельности.

Видное место в трудах Кондратьева занимает проблема регулирования рынка. Его монография «Рынок хлебов и его регулирование» (1922) — подлинная энциклопедия по этому вопросу, она оснащена массой фактических данных, на анализе которых и построены принципиальные выводы.

В начале первой мировой войны заготовки хлеба осуществлялись путем покупки его у крестьян и землевладельцев, у кооперативов и у хлеботорговцев. В ходе войны доля посредников снизилась с 60 до 50%, кооперативов — возросла с 12 до 17%, землевладельцев — повысилась с 13 до 18%, крестьян — оставалась неизменной, на уровне 15%. Этот сравнительно «спокойный» метод заготовок постепенно ужесточается. Уже с 29 августа 1914 года командующим военными округами предоставляется право введения твердых цен на хлеб и запрета его вывоза. С 17 февраля 1915 года они по соглашению с гражданскими властями получают право реквизиции хлеба. 9 ноября 1916 года министром земледелия принимается постановление «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной» [3, с. 200, 310—312]. Сложившаяся практика разверстки переходит от царского правительства к Временному, а от последнего — к советскому. Твердые цены, запреты вывоза становятся стимулом создания монополии хлебной торговли. Частный хлеботорговый оборот уничтожается. Если при Временном правительстве монополия осуществлялась в форме уговоров, то при советской власти реквизиции ведутся уже методами вооруженной борьбы и насилия. Укрывающий хлеб или занижающий его количество объявляется «врагом народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Беднота получает часть реквизированного хлеба бесплатно. Вспыхивает крестьянская война, начинаются массовые репрессии. Такова «диалектика» разверстки в России.

Убедительно показывая это, Кондратьев приходит к следующим выводам. 1). Все мероприятия по регулированию цен, перевозок, распределения и потребления между собой органически взаимосвязаны. 2). Вмешательство государства постепенно нарастает. Оно вызвано расстройством рынка и вместе с тем само является стимулом разложения этого рынка. 3). Постепенно усиливается централизация и унификация мер регулирования. 4). Вмешательство в одну сферу экономики влечет за собой вмешательство в другие сферы. 5). Эффект вмешательства не проявился, дело ухудшалось. 6). Кроме регулирования, важно учитывать и другие факторы, например, урожайность, общее состояние экономики и военное положение. 7). Выделить регулирование из общей системы и оценить его влияние очень трудно. 8). «...Мероприятия регулирования иногда не приводят ни к каким положительным результатам, иногда приводят не к тем результатам, которые ожидалось; и эти неожиданные результаты... отнюдь не могут быть рассмотрены как показатели успеха регулирования. Прямых показателей положительного воздействия регулирования мы имеем очень немного... во всяком случае, существовавшая система регулирования не вывела и не выводила страну из нарастающего продовольственного кризиса» [3, с. 310—312].

Кондратьев ищет критерии рациональности аграрной политики и формулирует их таким образом: «Общеобязательной задачей экономической политики являлась бы следующая: рациональными являются только те меры... которые, с одной стороны, могли бы действительно быть осуществлены, а с другой стороны, приводили бы к повышению производительности... Наконец, меры эти должны удовлетворять требованиям справедливости» [4, с. 64—65]. В соответствии с этими критериями крупные капиталистические и полукапиталистические хозяйства — нерациональны. Рационально лишь трудовое крестьянское хозяйство в условиях всесторонней кооперации, устраняющей минусы мелкотоварного производства. В этом Кондратьев видит будущее, перспективу, но допускает и исключения, диктуемые региональными условиями и другими особенностями. Он пишет: «Мы не сможем всю жизнь подстричь под один номер». На вопрос, какую форму трудового землепользования следует признать — личную, общинную или арендную, Кондратьев отвечает: «И ту, и другую и третью. Вот единственный ответ, который можно дать на этот вопрос». Он критикует Столыпина за попытку унификации — всех разместить по хуторам, хотя отмечает, что в России насчитывается около 5,5 млн. хозяйств, находящихся вне общины (с учетом хозяйств, выделившихся по реформе, а также крестьян, живущих в «мертвых» общинах) [4, с. 32, 33].

Кондратьев, как и социалисты-революционеры, выступает за социализацию земли, за уравнильно-трудовое землепользование, однако считает неприемлемыми частые переделы, которые не дают крестьянину стимула к вложениям в землю, ее рациональному использованию. Поэтому переделы могут быть заменены другими мерами выравнивания, например, финансово-налоговыми.

Итак, аграрная структура, по Кондратьеву, такова: трудовое землепользование, семейное крестьянское хозяйство, кооперация, рынок. В то же время аграрный хозяйственный уклад дифференцирован. Обращаясь к этой проблеме, Кондратьев подходит к дифференциации не с общесоциологических позиций, а более узко: используя статистический метод, рассматривает зажиточность крестьянских хозяйств в динамике. Экономическая политика государства, отмечает Кондратьев, направлена на поддержку беднейших крестьян и ущемление зажиточных: «Регулирующие мероприятия государства — это меч, который срезает самую верхушку деревни и, несомненно, задерживает рост наиболее богатых, полукапиталистических и капиталистических слоев ее» [5, с. 170]. Между тем в более сильных группах хозяйств выше производительность труда, быстрее идет накопление материальных средств, выше и чистая товарность. Отсюда Кондратьев делает вывод: «Если мы хотим иметь более высокую производительность труда, если мы хотим более быстрого роста производительных сил в сельском хозяйстве, мы не можем

допускать слишком значительного измельчения хозяйства» [5, с. 173]. Он предлагает широко кооперироваться, переводить на кооперативную основу сбыт, снабжение, переработку продукции, использование техники, кредит, мелиорацию, землеустройство.

...Жизнь, полная творческих поисков и планов, была прервана 19 июня 1930 года: Николай Дмитриевич был арестован, заключен в Бутырскую, а затем Суздальскую тюрьму, в 1938 году расстрелян.

Организационно-производственная школа

В 1911 году на Московском областном агрономическом съезде встретились А. В. Чаянов, Н. П. Макаров, А. Н. Челинцев, А. А. Рыбников, А. Н. Минин, Г. А. Студенский, которые составили ядро организационно-производственного направления. Уже в то время им было ясно, что многие формы крестьянской жизни не укладываются в марксистскую схему расслоения деревни и не объясняются законами рыночных отношений. Предметом их изучения стало прежде всего крестьянское хозяйство, где затраты труда подчас превышали расчетный выход продукции, а арендная плата за землю была выше выручки. Мотивация труда в таком хозяйстве — это не мотивация предпринимателя, получающего «в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее мотивация рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы» [6, с 10—11]. Эта организационная форма существует при натуральном, феодальном, капиталистическом хозяйствовании, в последнем случае — наряду с полукapиталистическими и полупролетарскими. Поэтому трудовое крестьянское хозяйство, считали представители школы, нельзя «заталкивать» в прокрустово ложе капиталистических категорий.

Теорию крестьянского хозяйства нещадно критиковали (как это издавна водится у русских интеллигентов) и справа, и слева, и либералы, и марксисты — здесь они были едины. Ее обвиняли в том, что семейное хозяйство рассматривается статично, в отрыве от окружающей обстановки, упрекали в приверженности австрийской школе предельной полезности, в игнорировании рынка, идеализации «распыленных, пропитанных мелкобуржуазным духом крестьянских хозяйств». Отвечая оппонентам, Чаянов писал: «Изучая современное сельское хозяйство как оно есть, мы изучали прежде всего тот исходный материал, из которого, по нашему мнению, исторически должна в ближайшее десятилетие вырасти новая деревня, превратившая путем кооперации значительную часть своего хозяйства в формы общественно-организованного производства, деревня, индустриализованная во всех областях технической переработки, механизированная и электрифицированная, деревня, использовавшая все завоевания агрономии и техники» [6, с. 18].

Александр Васильевич Чаянов был, бесспорно, душой и главой организационно-производственной школы. Выдающийся исследователь, автор многочисленных работ по различным аспектам аграрной экономики, теоретик и практик кооперативного движения, блестящий педагог и воспитатель научной молодежи, писатель-фантаст, археолог, искусствовед и ко всему тому — удивительно доброжелательный и коммуникабельный человек с широчайшим культурным кругозором, он оставил в качестве научного наследия труды на русском, немецком, английском, французском, испанском, итальянском, японском языках.

Весной и летом 1917 года Чаянов активно работает в Лиге аграрных реформ¹. При ее

¹ Лига аграрных реформ с отделениями в 33 губерниях была создана по инициативе Вольного экономического общества, Всероссийского кооперативного съезда, Всероссийского земского союза, Московского и Харьковского обществ сельского хозяйства в начале 1917 года. В организационный комитет Лиги вошли Н. П. Макаров, П. П. Маслов, С. Л. Маслов, К. А. Мацевич, Н. П. Огановский, А. В. Пешехонов, М. И. Туган-Барановский и А. В. Чаянов. Здесь был представлен весь цвет аграрной науки. В

учреждении были выдвинуты следующие положения: «1) трудовое крестьянское хозяйство должно лечь в основу аграрного строительства России и ему должны быть переданы земли нашей родины; 2) передача эта должна совершиться на основе государственного плана земельного устройства, разработанного при учете бытовых и экономических особенностей отдельных районов нашего отечества, планомерно и организованно осуществляемого без нарушения производственного напряжения нашего народного хозяйства; 3) земельное устройство есть только часть решения аграрной проблемы, которая включает в себя все вопросы, связанные с общими условиями сельскохозяйственного производства, организацией трудовых хозяйств и организацией связи этих хозяйств с общим мировым хозяйством [7].

Одной из программных является работа Чаянова «Что такое аграрный вопрос?», написанная в серии трудов Лиги. Автор выступает за социализацию земли, подчеркивая, что она является общенародным достоянием, именно достоянием, а не чьей-то собственностью — ни отдельных лиц, ни государства. «Она (земля — *А. Н.*) в равной мере принадлежит всем, подобно свету и воздуху,... — пишет Чаянов. — Земледелие должно быть организовано исключительно на трудовых началах, никакой наемный труд не может быть допускаем» [8, с. 42]. Постройки же, скот, техника и произведенная продукция являются частной собственностью. Однако Чаянов против шаблона и унификации в аграрном вопросе вообще, в формах собственности и хозяйствования — в особенности. Так, по отношению к Сибири он говорит о «захватном праве», когда крестьянин запахивает свободную землю и остается ее собственником до тех пор, пока ведет на ней хозяйство. По мере уплотнения населения возникает трудовое право и появляется община. Пока жива община, господствует трудовое право с уравнительными переделами. При дальнейшем уплотнении населения речь идет уже о «праве на жизнь». С возникновением рынка и развитием торгового земледелия умы крестьян завоевывает частная собственность на землю. Община начинает умирать... Чаянов пишет: «Общинник-самарец, пожелавший перенести целиком свою аграрную идеологию, наверное, будет встречен колыями в губернии Могилевской. Не лучшая участь постигнет фанатика-могилевца в Балашовском уезде. И как бы мы, деятели демократической России, глубоко ни веровали в наши аграрные идеалы, мы не можем пойти по пути «просвещенного абсолютизма» и принудительно ввести единый земельный режим во всех областях России, не считаясь с ее бытовым и хозяйственным укладом» [8, с. 51].

Жаль, что в жизни дело ведут по-иному. Жаль, что уже наши предшественники не отличались способностью спокойно и последовательно не только решать, но даже обсуждать аграрные вопросы. По этому поводу Чаянов сетует: «Есть стихия и есть разум. Эти два элемента проявляют себя не только в будущем аграрном строе, но, к сожалению, и в самом проведении и обсуждении аграрной реформы» [8, с. 54]. Он считает, что независимо от принятой программы, для ее реализации потребуются значительный переходный период. Реформа — не разовый акт, а длительный процесс преобразований, где перераспределение земли — лишь один из многих взаимосвязанных элементов.

Вторая «чаяновская тема» (наряду с теорией и организацией крестьянского хозяйства) — сельскохозяйственная кооперация. Достаточно сказать, что из 208 его работ, отмеченных в указателе литературы Института научной информации по общественным наукам РАН, 40 посвящены различным аспектам кооперации [9]. В предисловии к своему главному труду о кооперации Чаянов пишет, что в основу его положен двадцатилетний опыт автора, наблюдения над кооперативным движением в Италии, Бельгии, Германии,

Лигу входили и марксисты (П. П. Маслов, Н. А. Рожков), и кадеты (М. И. Туган-Барановский), и народные социалисты (Н. П. Огановский, А. В. Пешехонов), и эсеры (С. Л. Маслов) и многие беспартийные. Чаянов считал себя «беспартийным социалистом». Все эти люди, за немногими исключениями, в период «великих репрессий» были либо расстреляны (А. В. Чаянов, Н. П. Огановский, Л. Н. Литошенко, Л. Б. Кафенгауз, А. В. Тейтель и др.), либо прошли круги гулаговского ада (Н. П. Макаров, А. Г. Дояренко, А. Н. Челинцев, А. А. Рыбников и др.), либо еще в 1922 году депортированы из России (Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и др.).

Швейцарии, Франции, а также материалы семинара по сельскохозяйственной кооперации, который он вел в Тимирязевке с 1913 года [10, с. 1].

Хотя Россия включилась в кооперативное движение позднее стран Западной Европы, она дала миру много талантливых теоретиков и практиков кооперации. М. И. Туган-Барановский, с которым Чаянов активно сотрудничал, пишет: «Кооператив обращается, прежде всего, к хозяйственному интересу человека, и в этом существенное сходство кооператива со всеми другими хозяйственными организациями капиталистической системы. В этом же и его огромная сила ... Кооператив не только есть капиталистическое предприятие, но именно в борьбе с капиталом и заключается самая сущность кооперативного движения. В своем капиталистическом теле кооператив скрывает душу, враждебную капиталу. Кооперативы служат интересам не капиталистов, а тех, кто страдает от капитализма. Кооперация есть одна из форм самозащиты трудящихся классов от натиска капитала ... Кооперация отнюдь не является социальным миром, а социальной борьбой, столь же принципиальной и идущей до конца, как и политическая борьба... Но кооперация борется не насилием, не оружием и не баррикадами, а мирным строительством нового общественного строя. Кооперация есть, конечно, борьба, но борьба мирными средствами» [11, с. 68, 96, 107].

Принципиальное значение имеет различие между кооперацией и коллективизмом (в дальнейшем бирку кооперации навесят на нечто прямо противоположное ей). «Кооперация представляет собою более высокий социальный тип, чем коллективизм» — пишет Туган-Барановский,— ибо коллективизм основан «на принудительной власти большинства над меньшинством, между тем как кооперация является типом вполне свободного хозяйственного и общественного союза... Дальнейшее развитие будет заключаться в постепенном вытеснении в общественном строе более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации» [11, с. 504—505]. Туган-Барановский делает вывод, что «крестьянская кооперация ни в каком случае к коллективизму вести не может, какого бы развития она ни достигала... Наоборот, факты показывают, что по мере развития кооперации крестьянин все крепче сидит на своем поле и не обнаруживает ни малейшей охоты отказаться от своего хозяйственного предприятия и передать его какому-либо кооперативу... Благодаря кооперации создается новый тип крестьянского хозяйства, в котором для индивидуального хозяйства остается только одна область — сельскохозяйственного труда, все же остальные хозяйственные операции — купли, продажи, получения кредита и переработки сельскохозяйственных продуктов — используются не единичными силами сельскохозяйственного производителя, а коллективной силой организованных в кооперативы производителей. В результате получается некоторая новая система крестьянского хозяйства, но система совершенно иная, чем та, к которой приводит естественный ход развития пролетарской кооперации» [11, с. 500—501].

Это положение получило развитие в трудах А. В. Чаянова. «Кооперация крестьянская,... — пишет он,— представляет собой весьма совершенный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому товаропроизводителю, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их совместно с соседями...» [10, с. 20].

Красной нитью через все работы Чаянова по кооперации проходит мысль: как в бедной, бездорожной России при безразличии крестьян, сидящих на своих клочках земли, быстрее создать процветающую экономику. Кооперация — это процесс концентрации. Основное направление концентрации в аграрной сфере — вертикальная кооперация. Она включает и изготовление средств производства, и обслуживание, и сбыт, и переработку, и кредитование, и поставку семенного и племенного материала, и строительство дорог, производственных помещений и многое другое. Все это требует времени, поэтому революционный путь здесь неприемлем.

В кооперации две стороны: одна — организационно-хозяйственная (кооператив как предприятие), другая — социальная (кооперация как общественное движение). Кооперативное предприятие «никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними и только перед ними» [10, с. 17]. Как социальное движение кооперация уже не может быть однородной в классовом обществе. Она борется не за интересы трудящихся вообще, а за интересы рабочих (рабочие кооперативы), городских обывателей (городская кооперация), ремесленников и крестьян. Здесь уже нет общности, и кооператив «представляет собою организованную на коллективных началах часть экономической деятельности той или иной группы лиц и призван обслуживать интересы этой группы и только этой группы» [10, с. 20].

Чаянов выделяет шесть основных типов крестьянских хозяйств: а) классическое кулацкое хозяйство, которое может обойтись и без наемного труда, но его доходы коренятся в торговых оборотах, ростовщическом кредите и др.; б) хозяйства полукapиталистические, использующие постоянно и в большом количестве наемный рабочий труд; в) хозяйства, построенные на личном труде членов семьи, часто преуспевающие, хорошо оснащенные технически, прибегающие к найму рабочей силы эпизодически, в страдную пору; г) хозяйства, не нанимающие и сами не нанимающиеся, однако в силу маломощности семьи или недостатка средств производства не способные к эффективному развитию; е) пролетарские хозяйства, главный доход которых — от продажи рабочей силы. Первый тип — классический кулак — антагонистичен кооперации. Она его уничтожает самим фактом своего существования и деятельности. Социальной базой кооперации являются средние слои крестьянства, его основная масса, или семейно-товарные хозяйства.

Чаянов предлагает «дифференциальный оптимум», суть которого в том, что для каждой отрасли, входящей в хозяйство в качестве его компоненты, имеется свой оптимальный размер. Совместить эти отрасли невозможно, потому хозяйство передает их в кооператив, вследствие чего и существует кооперация. «Успех кооперации измеряется ростом доходов ее членов, и больше ничего... Сельская кооперация самодовлеющего существования не имеет, не является коллективно-организационной частью семейного производства, живущего одной жизнью с материнским организмом». Чаянов ссылается на высказывание А. И. Чупрова о том, что в «отношении земледелия идея кооперации имела не меньшее значение, чем все крупнейшие технические завоевания» [10, с. 29—38, 52, 53].

Чаянов сдержанно относится к «полной сельскохозяйственной кооперации», или коллективизации. Прежде всего здесь исчезает крестьянин как хозяин, он становится просто работником. Но дело не только в этом. В таком крупном предприятии очень трудно налаживается организация труда и формируется его мотивация. «Для того, чтобы избежать равнения всех работников по наихудшему, требуется либо рабочий энтузиазм всего коллектива, либо такая система организации труда и его стимуляции, которые обеспечили бы нужную напряженность работы каждого из участников коллектива» [10, с. 345]. Кроме того, возникает проблема руководителя, обеспечивающего единую волю и дисциплину.

Значение работ Чаянова по кооперации было особенно велико в 20-е годы: они заполнили пробел в теории, когда кооперативное движение ожило, а «теория поплелась в хвосте». Речь шла о захвате кооперацией возрождавшегося рынка. Сегодня эти работы важны по той же причине. Много времени упущено. Разрушенный рынок возрождается с неприятными гримасами. Рынок продовольствия должен быть отвоеван сельскохозяйственной кооперацией, которую саму необходимо возрождать после ее тотального уничтожения. Предстоит поставить все с головы на ноги и в управлении, исходя из чаяновского тезиса, что «принцип непосредственной ответственности органов

кооперативной организации перед обслуживаемыми ею членами есть основной принцип кооперативного движения, и вне его, в сущности говоря, кооперация перестает быть таковой» [10, с. 353, 377]. При самых трудных экономических условиях для спасения и выхода есть один путь, писал Чаянов: «переложить тяжесть удара на плечи того Атланта, которым держится вся наша работа — на плечи крестьянского хозяйства, на его десятки миллиардов капитала, на его рабочую сопротивляемость, на его сознательность» [12].

А. В. Чаянов был признанным лидером организационно-производственной школы. Его работы в основном отражают ее позиции. Жизнь ученого оборвалась в сталинском застенке на 49-м году.

Погром на Волхонке

Чтобы представить марксистскую школу 20-х годов, рассмотрим весьма важное событие в жизни агроэкономической науки — конференцию аграрников-марксистов, состоявшуюся 20—27 декабря 1929 года в Институте экономики Коммунистической академии на Волхонке, в Москве. Это мероприятие нельзя назвать конференцией в обычном смысле слова. Здесь не было общепринятых в научном мире дискуссий. Не было оппонентов. Были только обличители, и они разоблачали «врагов» самой передовой науки — марксизма-ленинизма. В пленарных заседаниях участвовал И. В. Сталин, выступивший с известной речью-директивой. В президиуме — элита аграрников-марксистов того времени. Назовем некоторых из них. Лев Натанович Крицман — директор Аграрного института Комакадемии, участник революционного движения с 1905 года, выпускник химического отделения Цюрихского университета, редактор журнала «На аграрном фронте». Владимир Павлович Милютин — член РСДРП с 1903 года, воспитанник Петербургского университета, один из создателей советской статистики, начальник ЦСУ СССР, заместитель председателя Госплана СССР, редактор многих журналов, один из руководителей Коммунистической академии. Арон Израилевич Гайстер — закончил Институт красной профессуры, вел преподавательскую работу в вузах, был избран академиком ВАСХНИЛ, назначался заместителем наркома земледелия СССР. Михаил Ильич Кубанин — также выпускник Института красной профессуры, работал в Международном аграрном институте и Институте экономики Комакадемии, член коллегии Наркомата земледелия.

Все они занимались проблемами социалистической реконструкции сельского хозяйства. В их работах было много апологетики, критики антимарксистских теорий, но были и серьезные исследования социально-экономического развития деревни в период аграрной революции. Пройдет несколько лет — и все они будут объявлены «врагами народа» и казнены. Для каждого найдется один или несколько пунктов 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР. Их имена будут забыты, а книги изъяты из библиотек и уничтожены. Революции действительно «пожирают своих детей».

В декабре же 29-го эти люди, облеченные профессорскими званиями, неистово осуждают «буржуазных» и «мелкобуржуазных» ученых. Едва ли можно сомневаться в том, что делают они это искренне, веря в свою правоту и неправоту отсутствующих оппонентов: ведь они отстаивают генеральную линию партии, за дело которой боролись еще в глубоком подполье. С основным докладом «Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства» на конференции выступает В. П. Милютин. Он формулирует теоретические положения марксизма по аграрному вопросу следующим образом: «Законы капитализма, законы капиталистического развития в деревне в основном те же, что и в городе. Это означает, что развитие производительных сил деревни, развитие крупного производства, развитие наемного труда происходит в сельском хозяйстве в тех же направлениях, что и в городе, что в промышленности,... основные законы товарооборота приложимы также и к сельскому хозяйству,... те классовые противоречия, та классовая борьба, которые мы в яркой форме наблюдаем в

городе, эта классовая борьба пролагает себе дорогу и в деревне,... проникновение капитализма в сельское хозяйство обостряет тем самым классовую борьбу как в городе, так и в деревне, увеличивая руководящую роль пролетариата» [13, с. 17—18]. Все просто, все ясно. Никаких некапиталистических путей быть не может. А в деревню для руководства «неразумной крестьянской массой» следует двинуть тысячи и тысячи пролетариев.

Милютин разоблачает Каутского, Бернштейна, Бауэра, II Интернационал в целом, прежде чем начать атаку на отечественных отступников. Кто же становится мишенью? Во-первых, «буржуазная» школа, наиболее яркими представителями которой называются Кондратьев, Литошенко, Вайнштейн; во-вторых, «мелкобуржуазная» школа, или неонародники — Чаянов, Челинцев и другие; в-третьих, правые уклонисты троцкистского толка в партии в лице Троцкого и Преображенского и, в-четвертых, Бухарин и его сторонники, отражающие «кулацкую часть деревни» [13, с. 25]. Далее следуют цитаты из работ осуждаемых ученых, якобы свидетельствующие о грубых ошибках последних, ведущих к гибели российской деревни.

Расправившись с противниками, докладчик переходит к конструктивным предложениям, или теоретическим задачам, выдвигающимся в эпоху социалистической реконструкции экономики. В течение одного-двух лет в основных сельскохозяйственных районах (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Украина) предлагается провести сплошную коллективизацию, и в связи с этим докладчик призывает активизировать исследования социалистических форм экономики, законов развития социалистического хозяйства, уяснить роль и природу колхозов, устранить неверные подходы. А они состоят, во-первых, в отрыве от новой техники и, во-вторых, в представлении о колхозе как модернизированной общине с соответствующими воспитанием и бытом. Колхоз же должен перерасти в крупное предприятие, своего рода фабрику и завод. В ближайшее время, продолжает докладчик, сельское хозяйство станет «одной из отраслей промышленности», будет усиливаться специализация, а также комбинация с промышленностью. На повестке дня — переход от регулирования к прямому управлению сельским хозяйством, нужно закладывать новые формы организации труда по аналогии с промышленностью.

Милютин говорит и об обострении классовой борьбы, необходимости изучать процессы дифференциации, повышать степень обобществления. Снабжение, финансирование и землеустройство трактуются им, исходя из этой задачи. Для усиления пролетарского влияния планируется послать в деревню 25 тысяч рабочих. Такова программа, предложенная на конференции аграрников-марксистов [13, с. 50—60]. Почти на 1200 страницах ее «Трудов» немало бранных слов в адрес «буржуазных» и «мелкобуржуазных», всяких не до конца разоружившихся, непоследовательных марксистов, уклонистов, не освободившихся от неонароднического влияния. В принятой резолюции требуется «продолжать решительную борьбу за выкорчевывание всех остатков неонароднической идеологии, беспощадный разгром всех реакционных буржуазных и мелкобуржуазных идеологий, разоблачение основных концепций правого уклона, разрушения базы для роста капитализма, коренящегося в мелком крестьянском хозяйстве...» [13, с. 435—437].

«Гвоздем» конференции было выступление Сталина. Отметив отставание теоретической работы от практических успехов социалистического строительства, он требует быстрее покончить с «буржуазными предрассудками» в теории и выдвигает ряд основополагающих тезисов. Никакой «теории равновесия», никакого сосуществования социалистического (колхозы, совхозы, промышленность) и несоциалистического (мелкотоварное производство) секторов экономики. «Вопрос стоит так: либо один путь, либо другой, либо назад — к капитализму, либо вперед — к социализму. Никакого третьего пути нет и быть не может». Никакого «самотека» в социалистическом строительстве: «социалистический» город должен повести за собой «мелкобуржуазную»

деревню, насаждая в ней колхозы и совхозы.

Опровергается «теория устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства: на Западе крестьянина привязывает к нему частная собственность на землю; в СССР она отменена, и потому отпадает необходимость держаться за мелкое. «Колхозы являются той именно формой социалистического хозяйства, через которую только и может приобщиться многомиллионное мелкое крестьянство к машинам и к тракторам как к рычагам хозяйственного подъема...» (этот тезис будет долго звучать как один из главных аргументов коллективизации). Суть классовых сдвигов Сталин усматривает в том, что партия и советская власть «развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни, это наступление дало и продолжает давать ... весьма ощутимые положительные результаты,... от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса». Колхозы теперь уже смогут заменить кулаков как производители зерна [13, с. 446, 460—463].

Кажется, с декабря 1929 года теория подтянулась до уровня практики и стала методологической основой для социалистического строительства в деревне. Теоретическая формула успешно, по графику и даже опережая его, выполнялась. Насаждались колхозы. Кулачество ликвидировалось как класс. А вместе с кулаками увозились в места не столь отдаленные середняки и бедняки.

Советская статистика, при всех ее недостатках, не скрывает факта разрушения производительных сил деревни в ходе коллективизации. Резко сократились объемы производства продукции, уменьшилось поголовье скота (табл. 1).

Эти данные приведены в докладе Сталина на XVII съезде ВКП (б), и как бы по иронии — в разделе «Подъем сельского хозяйства» [14]. Если сравнить понесенные потери с уроном от мер военного коммунизма, то они намного его превосходят. Ущерб, нанесенный коллективизацией, не ограничивается подрывом производительных сил — были разрушены крестьянский образ жизни, крестьянская мораль, этика и духовность, генетический потенциал нации.

Уже говорилось о том, что первыми жертвами среди ученых-аграрников стали экономисты. Роковым для них был июнь 1930 года. Затем настает очередь почвоведов и растениеводов, потом генетиков. Для того чтобы как-то оправдать террор в глазах общественности, раздувается шумная пропагандистская кампания. В том же 1930 году Международный аграрный институт (был такой в 30-е годы в Москве!) проводит специальное собрание по поводу «вредительской» деятельности «кондратьевцев», «чаяновцев» и «сухановцев».

Таблица 1

Поголовье скота в СССР, млн.

	1929	1933	1933 к 1929, %
Лошади	34,0	16,6	48,8
Крупный рогатый скот	68,1	38,6	56,7
Овцы и козы	147,2	50,6	34,4
Свиньи	20,9	12,2	58,3

Материалы этого собрания рассылаются по стране в виде книжки [15]. Докладчики подробно излагают «контрреволюционные» позиции ученых, разделяя их на три группы. К первой причисляются Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, Л. Н. Юровский, А. Д. Фабрикант, А. Г. Дояренко: «Программными требованиями этой группы было развязывание внутреннего рынка, содействие развитию сильных и крепких кулацких хозяйств, развитие кулацкой кооперации, развитие широкого обмена на базе кулацких хозяйств... Эта группа резко отрицательно относилась к колхозному и совхозному строительству, социалистической индустриализации». Вторую группу называют

неонароднической — к ней причисляют А. В. Чайнова, А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова, Г. А. Студенского: «Группа многочисленна и влиятельна в агрономических кругах и высшей школе. От мелкобуржуазных народнических иллюзий они перешли к открытой апологетике «реставрации» капитализма в России». Большое внимание уделяется деятелям третьей группы — Н. Н. Суханову, В. Г. Громану, В. А. Базарову. Считают, что они целиком стоят на позициях II Интернационала, пеняют Суханову за его теорию о мирном вращении крестьянских хозяйств в социализм через кооперацию. И единодушно признают, что «они все сошлись на борьбе против диктатуры пролетариата, за ее свержение и реставрацию капитализма» [15, с. 5, 8, 10, 102]. Отсюда широкомасштабные меры по разоблачению, выявлению носителей этих взглядов, принятию соответствующих организационных выводов. И пошли искать по областям, краям и губерниям «кондратьевцев», «чаяновцев» и «сухановцев». Разумеется, их везде находили, и меры принимали. Концепции ученых преподносились как партийные программы, в обычных научных конференциях виделись партийные. Аспирантура и работа со студентами назывались системой подготовки повстанческих кадров. Традиционные встречи и другие контакты с зарубежными учеными представлялись как разветвленная сеть за границей, посылка подготовленных в Москве молодых ученых в периферийные вузы — как насаждение своих кадров на места...

16 июля 1987 года Военная коллегия Верховного суда СССР определила: «Постановление коллегии ОГПУ СССР от 26 января 1932 года в отношении Кондратьева Николая Дмитриевича, Макарова Николая Павловича, Юровского Леонида Наумовича, Чайнова Александра Васильевича, Дояренко Алексея Григорьевича, Рыбникова Александра Александровича, Литошенко Льва Николаевича, Чайнова Сократа Константиновича, Кафенгауза Льва Борисовича, Тейтеля Александра Владимировича, Леонтьева Ивана Николаевича, Фабриканта Александра Осиповича отменить и уголовное дело прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Отменить также постановления Особого совещания при НКВД СССР от 9 и 28 июня 1935 года в отношении Макарова Николая Павловича и Чайнова Александра Васильевича.

Подлинное за надлежащими подписями» [16].

Драма ученых с мировым именем, драма России как будто бы завершилась. Все поставлено на свои места. Но остаются вопросы. Прежде всего: почему государство методично уничтожало элиту своего народа, его интеллект? Россия не должна забывать трагических уроков, которые преподала революция. И, может быть, был прав Иван Ильин, когда написал убийственные слова: «Сущность русской революции состоит в том, что русская интеллигенция выдала свой народ на духовное рабство, а народ выдал свою интеллигенцию на поругание и растерзание» [17].

Литература

1. Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петроград: Право, 1922.
2. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Рукопись.
3. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.
4. Кондратьев Н. Д. О крупно-крестьянских хозяйствах. Особое мнение. Кн. 1. М.: Наука, 1993.
5. Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Кн. 2. М.: Наука, 1993.
6. Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооперативное издательство, 1925.
7. Лига аграрных реформ. Серия А. Органы земельной реформы. М.: Универсальная библиотека, 1917. С. 25—26.
8. Чайнов А. В. Что такое аграрный вопрос? Лига аграрных реформ. Серия С. М.: Универсальная библиотека, 1917.

9. Кондратьев Н. Д., Макаров Н. П., Чайнов А. В., Челинцев А. Н. Указатель литературы/Под ред. В. П. Данилова. М.: Рос. Акад. наук: Институт научной информации по общественным наукам, 1988. С. 28—45.
10. Чайнов А. В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. М.: Изд-во Книгосоюза, 1927.
11. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М.: Слово, 1922.
12. Чайнов А. В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. 3-е изд. М.: Новая деревня, 1928. С. 13, 14—21.
13. Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. Т. 1. М.: Издание Коммунистической академии, 1930.
14. Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1949. С. 87.
15. Кондратьевщина, чайновщина и сухановщина: Вредительство в сельском хозяйстве. М.: Международный аграрный институт, 1930.
16. Личный архив А. А. Никонова.
17. Интеллигенция, власть, народ: Антология. М.: Наука, 1993. С. 280.